

Голиков Л. М. Формы долженствования в пенитенциарной инструкции XIX века / Л. М. Голиков, О. В. Дружининская // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23.

Golikov, L. M., Druzhininskaya, O. V. (2019). Forms of Obligation in Penitentiary Instruction of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 9-23. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:343.1"18"

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23

ФОРМЫ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ИНСТРУКЦИИ XIX ВЕКА

© **Голиков Леонид Михайлович (2019)**, orcid.org/0000-0002-9952-4116, SPIN 7998-2040, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков, федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (Вологда, Россия), lgolikov@mail.ru.

© **Дружининская Ольга Васильевна (2019)**, orcid.org/0000-0001-8741-0640, SPIN 2243-8807, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков, федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (Вологда, Россия), ovdrn@mail.ru.

Представлены результаты исследования конструкций с *должен* в пенитенциарных инструкциях XIX века. Актуальность работы обусловлена тем, что полученные данные позволяют дополнить представления о средствах выражения категории директивности в период становления языка уголовно-исполнительного законодательства. Новизна работы видится прежде всего в том, что формы выражения значения долженствования исследуются в юридическом дискурсе как средства языкового построения правовой нормы. Кроме того, в качестве источников избираются тексты, ранее не изучавшиеся с лингвистических позиций. В статье ставится задача выявить дистриктивные признаки, позволяющие дифференцировать деонтическое и недеонтическое долженствование в юридическом дискурсе. Опираясь на представление о том, что базовым семантическим показателем деонтичности или недеонтичности высказываний со значением долженствования является характер отношения субъектов долженствования, авторы разграничивают формы нормативной обязанности и потребности. Первые, имеющие в своей синтаксической структуре позицию агенса, подразумевают соотношение субъектов посредством силы принуждения. Вторые, активные конструкции с неагентивным подлежащим, определяются противопоставлением субъекта-адресанта долженствования, реализующего модусы потребности и стремления, и субъекта волюнтаривности, который, в свою очередь, реализует волевое воздействие на агенса, наносящее ненормативный характер.

Ключевые слова: язык законодательства; директивность, пенитенциарная инструкция XIX века; модальность долженствования; форма нормативной обязанности; форма потребности.

1. Введение

Изучение средств реализации директивности как текстообразующей категории в юридическом дискурсе остается актуальной задачей современной лингвистической науки. Одним из аспектов этой работы является рассмотрение форм выражения значения долженствования. Более продуктивным представляется исследование, которое основывается на материале этапа становления языка законодательства, так как этот подход способен отразить в полной мере особенности построения нормы. С этой целью мы избрали инструктивные тексты уголовно-исполнительного закона XIX столетия как источники, ранее не включавшиеся в научный лингвистический оборот.

Основным средством выражения значения долженствования в пенитенциарных инструкциях XIX века являются высказывания с предикатом *должен*, которые в сравнении с иными конструкциями (с *обязан*, *необходимо*, *надлежать*, *следовать*, *возлагаться*) являются наиболее частотными формами. Формы с *должен* семантически неоднородны, различаются характером выражаемого ими значения долженствования как частного значения категории необходимости. Некоторые из них являются регулярным способом выражения значения нормативной обязанности, связанного с идеей регулирования поведения личности; некоторые — значения, связанного с идеей необходимости существования. Такое разграничение определенным образом соотносится с дифференциацией модальности долженствования на деонтическую и алетическую [Булыгина и др., 1991; Кобозева и др., 1991; Падучева], далеко не всегда очевидной. Задача статьи состоит в том, чтобы на материале пенитенциарных инструкций XIX века выявить те дистинктивные признаки, которые позволят произвести формальное и семантическое различение нормативного и ненормативного долженствования.

2. Деонтическое и недеонтическое долженствование

Деонтическая модальность является значением, выражаемым «нормами-высказываниями» [Вригт, 1986а], в качестве которых в пенитенциарном дискурсе XIX столетия способны выступать конструкции с *должен*. В основе семантической классификации форм, выражающих значение деонтического долженствования, лежит набор видов деонтической модальности, определяемых логиками с помощью категорий «обязательно» или «запрещено» [Вригт, 1986б; Ивин, 1991; Leibniz, 1971].

Очевидно, что предикат *должен* в деонтическом ключе способен реализовывать значение нормативной обязанности (ср. *Посетители все принесенное ими <...> должны оставить за воротами Тюремного Замка...* [Инстр. 2, с. 33]) и нормативного запрета (*Сторож не должен оказывать арестантам никакого потворства на работе и не входить с ними в дружеские сношения...* [Инстр. 4, с. 350]). Такие формы долженствования находятся в неотчетливой оппозиции к формам типа *Полы во всем тюремном здании, как в комнатах, так равно в сенях и корридорах, должны быть всегда чисты...* [Инстр. 5, с. 400] и *Кроме исчисленной выше посуды и постели, ничего более в тюремной камере не должно находиться* [Инстр. 4, с. 330], которые выражают значение долженствования в качестве модуса потребности [Арутюнова и др., 1985, с. 24], или практической необходимости [Левонтина, 2006], — и практического ограничения соответственно. Однозначно соотнести их с правовыми прескрипциями невозможно, но и полностью их разграничить в рамках юридического дискурса затруднительно.

Ранее лингвисты описывали отдельные критерии различения семантики долженствования, выражаемого высказываниями с предикатом *должен*.

Так, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Г. В. Евлохова, выделяя концепт долга, в качестве одного из показателей деонтичности в узком смысле определяют признак наличия / отсутствия цели долженствования. Авторы утверждают, что наличие цели делает высказывание со значением долженствования неопределенным по виду модальности, в свою очередь отсутствие цели предопределяет принадлежность исключительно деонтической модальности [Булыгина и др., 1991, с. 16—17]. Эта мысль позволяет однозначно определить деонтичность концепта долга как исключительно этической категории [Евлохова, 2006, с. 264], однако она не снимает проблему разграничения видов долженствования в рамках юридического дискурса. Сами авторы отмечают конвенциональность категории обязанности [Булыгина и др., 1991, с. 19], в том числе нормативной, подразумевающую ее непрременную телеологичность.

И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер в качестве определяющего семантического показателя деонтичности значения предиката *должен* избирают компонент с отрицательной коннотацией — ‘потенциальное зло, направленное на субъект’, порожденное обстоятельствами в результате невыполнения субъектом предписанного действия. Обстоятельства не зависят от воли субъекта, подразумевают некоторую силу, причиняющую зло субъекту [Кобозева и др., 1991, с. 172]. Рассматривая в качестве примера «юридически обязывающего долженствования» высказывание *Вы должны*

(обязаны) в трехдневный срок сдать паспорт на прописку, авторы интерпретируют обстоятельства как «существование законов и органов охраны правопорядка (они же и сила)», а «зло» как «соответствующие санкции» [Кобозева и др., 1991, с. 173].

Выделенные лингвистами признаки являются несомненными параметрами деонтичности конструкций с предикатом *должен*, однако применительно к юридическому дискурсу они требуют уточнения и дополнения. Признаки недеонтичности долженствования в лингвистической литературе остаются неопределенными.

Представляется, что базовым семантическим показателем деонтичности / недеонтичности высказываний со значением долженствования является характер отношения субъектов долженствования (сравните представления о субъектно-зависимой нормативности И. Бентама [Bentham, 1970] и Э. Мали [Mally, 1971], в дальнейшем развитые в трудах Г. Х. фон Вригта [Вригт, 19866], Б. Челласа [Chellas, 1992], Н. Белнапа и М. Перлофа [Belnap et al., 1993] и др., связывающих логику норм и логику действий).

Учитывая тезис о том, что «долженствительность — отношение между субъектом действия и действием» [Золотова, 1973, с. 142], мы предполагаем невозможность восприятия высказываний с *должен* как бессубъектных в юридическом дискурсе. Пенитенциарная инструкция XIX столетия благодаря своим прагматическим характеристикам всегда предполагает адресата, способного выступить активным агенсом. В нашей работе ставится вопрос о тех признаках, которые позволяют признать дифференциацию нормативного и ненормативного долженствования не только с логических позиций, но и с позиций грамматических и семантических.

3. Формы нормативной обязанности

Семантическая структура форм с *должен* в условиях юридического дискурса является сложным образованием, подразумевающим несколько субъектов. С. Н. Цейтлин выделяет четырех субъектов высказываний со значением необходимости: речи, модальной оценки, волюнтаривности, предметной ситуации [Цейтлин, 1990, с. 144]. Пенитенциарная инструкция XIX века, реализуя значение нормативной обязанности, объединяет субъектов речи, модальной оценки и волюнтаривности, эксплицирующихся в образе государственного органа (ср. *Правительственная Комиссия Внутренних дел и Полиции <...> предписывает сим к исполнению нижеследующую Тюремную Инструкцию...* [Инстр. 4, с. 328]) или должностного лица (ср. *Подписал: Управляющий Министерством Внутренних Дел С. Ланской* [Инстр. 2, с. 43]). Эту сложную семантическую роль мы будем называть

субъектом-адресантом долженствования или субъектом целеполагания [Левонтина, 2006, с. 183—188].

Субъекту-адресанту долженствования противопоставляется субъект, ка-зуирующий потенциальную ситуацию, или субъект предметной ситуации, определяемый в юридическом дискурсе как носитель обязанности. Данная семантическая роль характеризуется наличием признака ответственности, или способности реализовывать ситуацию, предполагаемую обязанностью, а в случае ее нереализации — способности подвергаться негативному воздействию (ср. отрицательную коннотацию в «обязывающем» употреблении *должен* — ‘потенциальное зло, направленное на субъект’, выделенную И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфером [Кобозева и др., 1991, с. 172]).

Формами долженствования, выражающими значение нормативной обязанности, признаются прежде всего формы с личным существительным в роли подлежащего, прямо номинирующим субъекта-носителя обязанности: *При объездах своих Инспектор должен тщательно осматривать тюрьмы и входить во все без исключения части управления оных...* [Инстр. 9, с. 184].

Кроме того, значение нормативной обязанности выражают пассивные конструкции с незамещенной позицией агенса-носителя обязанности. К ним относятся 1) двусоставные пассивные предложения: *Каждое отдельное жилое помещение: камера тюрем, палата госпиталя, кухня или цейхгауз и т. п. должны дезинфицироваться отдельно* [Инстр. 8, с. 81]; 2) безличные предложения: *Некоторых из содержимых должно заставлять, а иным предоставлять по усмотрению Священника ходить в церковь и в другие дни года в надлежащем карауле* [Инстр. 2, с. 27]).

В подобного рода примерах позиция субъекта-носителя обязанности без труда замещается формой творительного падежа, в безличных — формой дательного падежа. Здесь следует сделать уточнение о том, что носитель обязанности пенитенциарной инструкции XIX века зачастую номинируется в названии документа, построенного по модели «инструкция + кому», например: *Инструкция смотрителю губернского тюремного замка* [Инстр. 1], *Инструкция Инспекторам по перевозке арестантов на пароходах и сухопутно, от Нижняго-Новгорода до Ачинска* [Инстр. 6].

Можно признать, что представление о носителе обязанности как адресате инструктивного жанра, реализуемое прагматическими свойствами пенитенциарной инструкции XIX века, позволяет формам с незамещенной позицией агенса выступать продуктивным способом выражения значения нормативной обязанности, конкурирующим с конструкциями, где носитель обязанности эксплицируется прямо.

Общей особенностью форм нормативной обязанности является способность трансформироваться в синонимичную конструкцию, где предикат заменяется синонимичным каузативным глаголом, реализующим семантику волевого воздействия, например, *принуждать*. В таком случае субъект-носитель обязанности занимает четко определенную синтаксическую позицию прямого объекта, синтаксически связанного с каузируемым действием, или адресата нормативной обязанности, например: *Запленные мастера не должны иметь жительства вместе с заключенными...* [Инстр. 1, с. 4] → *Принуждать запленных мастеров не иметь жительства с заключенными*; или в «Инструкции Контролеру для надзора за продовольствием полицейских арестантов» высказывание: *...продовольствие арестантов должно производиться за счет казны...* [Инстр. 3, с. 220] → *Принуждать контролера производить продовольствие арестантов за счет казны*.

Таким образом, субъект-адресант долженствования в семантике форм выражения значения нормативной обязанности обретает модальный статус субъекта принуждения (ср. «вынуждающий субъект» [Шведова, 1974, с. 111]). Субъект-носитель обязанности, в свою очередь, приобретает статус принуждаемого, выступает субъектом ситуации принуждения (ср. «субъект ситуации вынуждения» [Замятина, 2003, с. 80]). По нашему мнению, понятие «принуждение» более точно отражает особенности юридического дискурса, чем понятие «вынуждение», так как оно в полной мере определяет институциональный характер субъекта принуждения.

Формы правовой обязанности с предикатом *должен* характеризуются наличием семантического признака утилитарности, который в значительной степени уточняет объем модуса принуждения. Под утилитарностью понимается наличие в семантической структуре форм долженствования компонента ‘конкретная, практическая цель’, соотносимого с потенциальной ситуацией. Характеризуя утилитарность как семантический признак, мы опираемся на толкование цели, данное Московской семантической школой: «сложное понятие, сводимое к понятию результата и содержания», состоящего из компонентов, с одной стороны, связанных с идеями желания и возможностей агенса, с другой — с действием, каузирующим ситуацию [Апресян, 1995, с. 129; Жолковский, 2002; Левонтина, 2006, с. 165—166].

Утилитарность форм долженствования определяет, что подобные высказывания являются актом целеполагания, специфику которого отражает «смысловой комплекс семантического субъекта» [Чистохвалова, 2004, с. 9], подразумевающий субъекта целеполагания. Общее значение долженствования, реализуемое предикатом *должен*, осложняется тем, что каузи-

рование определенной ситуации опосредовано субъектом-адресантом долженствования, выступающим в этом плане субъектом целеполагания. Эта роль в семантической структуре форм долженствования уточняет позицию субъекта модальной оценки необходимости наличием модуса стремления [Арутюнова, 1992, с. 22], который в случае правовой обязанности в рамках инструктивного текста вряд ли можно обозначить с помощью примитива ‘хотеть’. Представляется, что уместнее будет определять данное значение как ‘предполагать’, что подразумевает не только «желание» [Апресян, 1995, с. 129], но и «план» как часть «целесообразного поведения» [Жолковский, 2002], которым можно признать юридический дискурс.

Форма нормативной обязанности с помощью конструкции с личным существительным в роли подлежащего, прямо номинирующим субъекта-носителя обязанности, реализует следующую формулу целеполагания, построенную с опорой на идеи представителей Московской семантической школы: ‘Субъект целеполагания предполагает, что ситуация будет иметь место, что субъект-носитель обязанности обладает способностью совершить действие, что действие, которое способен совершить субъект-носитель обязанности, станет причиной возникновения ситуации; субъект-носитель обязанности способен совершить это действие, способен подвергнуться негативному воздействию, если не совершит это действие’: *У входа в тюремный замок, для обыска входящих для посещения женского пола, должна находиться приставница* [Инстр. 2, с. 6].

В случае пассивных форм выражения нормативной обязанности каузирующее действие трансформируется в назначение инструмента каузации потенциальной ситуации. Цель в таком случае воспринимается «овеществленной» — «‘то, для чего объект нужен’» [Левонтина, 2006, с. 221], роль носителя обязанности становится пассивной: ‘Субъект целеполагания предполагает, что ситуация будет иметь место, что субъект-носитель обязанности обладает способностью реализовать инструмент, что инструмент, который способен реализовать субъект-носитель обязанности, станет причиной возникновения ситуации, субъект-носитель обязанности способен реализовать этот инструмент, способен подвергнуться негативному воздействию, если не реализует этот инструмент’: *Для призреия больных людей из содержащихся в тюремном замке, должна быть учреждена больница* [Инстр. 1, с. 15].

Следует отметить, что понятие цели нормативной обязанности и понятие ответственности носителя обязанности являются пересекающимися следующим образом: цель нормативной обязанности предполагает действие, каузирующее ситуацию, обладающее параметром выполнимости, а катего-

рия ответственности, в свою очередь, подразумевает способность агенса выполнить каузирующее действие, что является необходимым условием функционирования нормативной обязанности. Кроме того, модус принуждения, включающий возможное негативное воздействие на субъекта-носителя обязанности, также находит пересечение с категорией ответственности.

Важным замечанием является то, что категория утилитарности нормативной обязанности далеко не всегда выражена в инструктивном тексте XIX века оборотами с целевыми словами [Левонтина, 2006]. Так, в изученных нами источниках выделяются 14 примеров экспликации цели.

Таким образом, общая формула нормативной обязанности, реализуемая в пенитенциарной инструкции XIX века, представляется следующим образом: ‘субъект-адресант долженствования, предполагая, что ситуация будет иметь место, что субъект-носитель обязанности обладает способностью совершить действие (способностью реализовать инструмент), что действие, которое способен совершить субъект-носитель обязанности (инструмент, который способен реализовать субъект-носитель обязанности), станет причиной возникновения ситуации, принуждает субъекта-носителя обязанности совершить это действие (реализовать инструмент); субъект-носитель обязанности способен совершить это действие (реализовать этот инструмент), способен подвергнуться негативному воздействию, если не совершит это действие (не реализует этот инструмент)’. Семантика формы выражения правовой обязанности с предикатом *должен*, помимо обозначенных в формуле компонентов (1) S1 — субъект-адресант долженствования, который, выступая субъектом целеполагания, реализует модусы принуждения и стремления; 2) S2 — противопоставленный ему субъект-носитель обязанности, характеризующийся категорией ответственности; 3) Q — потенциальная ситуация; 4) P — каузирующее действие), включает и компонент F — соотносящая субъектов нормативной обязанности сила принуждения, которая находится в поле пересечения модусов принуждения и стремления со стороны субъекта-адресанта долженствования и категории ответственности со стороны субъекта-носителя обязанности.

4. Формы выражения значения потребности

Средством выражения значения долженствования, не осложненного отношением к норме, в инструктивных документах уголовно-исполнительного права XIX столетия признаются активные конструкции с неагентным подлежащим.

Ряд глаголов, функционирующих в конструкциях подобного типа, позволяет определить их общее значение как значение потребности в суще-

ствовании (в широком понимании), реализуемое клаузами с инфинитивами *быть, находиться, иметь, заключать, служить* и с другими, называемыми свойствами денотата:

1) потребности в существовании объекта как определенного результата: *В канцелярии должна быть штрафная алфавитная книга (прилож. № 10)...* [Инстр. 2, с. 2]; *В тюремной камере должны находиться: а) нары <...>; б) кувшины с крышкою, наполненный свежей водой* [Инстр. 4, с. 334];

2) потребности в существовании определенного признака объекта: *Вышина комнаты должна быть от 10 до 12 футов...* [Инстр. 7, с. 46]; *Работы, относящиеся собственно к тюремному замку, должны иметь преимущество пред теми, кои назначаются на продажу и по заказу* [Инстр. 1, с. 25]; *Находящийся во дворе колокол должен служить для подачи знаков и для повешения об очередных занятиях внутренней службы* [Инстр. 5, с. 440]; *У ворот Тюремного Замка, на дворах, по лестницам, в караульной, у Смотрителя, в Канцелярии, по корридорам и в арестантских камерах должны гореть фонари в продолжение ночи до разсвета* [Инстр. 2, с. 31]. Смотрите также примеры, приведенные ниже.

Отсутствие прямого противопоставления агенса как субъекта каузации потенциальной ситуации субъекту-адресанту долженствования лишает последнего модуса принуждения. В этом случае происходит явное несоответствие субъекта-адресанта долженствования и субъекта волюнтаривности, совершающего «некоторое волевое усилие, в результате которого потенциальная ситуация <...> превратилась бы в фактическую» [Цейтлин, 1990, с. 144]. Так, высказывание *Помещение подвергаемых аресту должно находиться на сухой почве...* [Инстр. 7, с. 45] подразумевает наличие отдельного субъекта, который гипотетически реализует потребность в существовании конкретных признаков объекта — *помещения подвергаемых аресту* — посредством волевого воздействия на некоего агенса, который реализует существование этих признаков. Это воздействие оценивается как гипотетическое, не носящее нормативного характера. Вполне допустимо, что субъект волюнтаривности и агенс могут совпадать.

Необходимо сделать оговорку о том, что в пенитенциарной инструкции XIX века возможно употребление формы с неагентивным подлежащим, в семантической структуре которой не подразумевается разделение субъекта-адресанта долженствования и субъекта волюнтаривности. Сравните пример, где субъект-адресант долженствования явно выступает и субъектом волевого воздействия на адресата, обозначаемого в качестве агенса реализации ситуации существования признаков объекта: *По окончании каждого года, Инспектор по перевозке арестантов обязан представлять*

в Департамент Полиции Исполнительной Министерства Внутренних Дел подробный отчет о сухопутной перевозке арестантских партий, а по закрытии каждагоднаго судоходства, такой же отчет о водяной перевозке их... Отчеты эти <...> должны заключать в себе указания как на неудобства практического применения некоторых временных правил о перевозке арестантов <...>, так и виды и предположения к усовершенствованию способов перевозки арестантов [Инстр. 6, с. 92]. В этом случае значение потребности не реализуется: неразделенность субъекта-адресанта долженствования и субъекта волюнтаривности подразумевает обязательное наличие субъекта-носителя обязанности.

Подобный пример в доступных нам источниках единичен, что может свидетельствовать о дефекте формы выражения нормативной обязанности. Для сравнения приведем высказывание: *...так как Инспектор при ревизии тюрем будет иметь возможность изведать и оценить все, что полезно или вредно в нынешней администрации оных, то отчеты его, сверх частных предметов, должны заключать в себе общие выводы, основанные на его наблюдениях над состоянием тюрем...* [Инстр. 9, с. 188]. Здесь статус субъекта, противопоставленного субъекту-адресанту долженствования, определяется волевым воздействием для возникновения существования признаков объекта, а не ответственностью за действия, влекущие за собой возникновение существования признаков объекта.

Таким образом, возможен вывод о том, что разделенность / неразделенность субъекта-адресанта долженствования и субъекта волюнтаривности является семантическим признаком различения форм нормативной обязанности и потребности.

Конструкции, выражающие значение потребности, в пенитенциарной инструкции XIX века характеризуются признаком утилитарности, который раскрывается как предполагаемое субъектом существование объекта или его определенных признаков в качестве инструмента возникновения потенциальной ситуации и волевое воздействие субъекта волюнтаривности на агенса для существования объекта или его признаков: 'Субъект целеполагания предполагает, что существование объекта или его признака послужит инструментом возникновения ситуации, что субъект волюнтаривности совершит волевое воздействие на агенса, в результате которого объект или его признак будут существовать': *В двери должно быть круглое окошечко, в четыре дюйма в окружности, закрываемое из коридора засовкою, запирающеюся на завертку, для освежения воздуха в комнате...* [Инстр. 4, с. 330]. Потенциальная ситуация формами потребности в исследуемых источниках, как правило, не определяется. Следует отметить, что

выражаемая формами потребности семантика инструмента возникновения ситуации сближает подобные конструкции с «техническим долженствованием», выделенным Г. Х. фон Вригтом [Вригт, 1986а, с. 324].

В целом мы можем представить общую формулу потребности, реализуемую в пенитенциарной инструкции XIX века, в следующем виде: ‘субъект-адресант долженствования, предполагая, что существование объекта или его признака послужит инструментом возникновения потенциальной ситуации, что субъект волюнтаривности совершит волевое воздействие на агенса, в результате которого объект или его признак будут существовать, констатирует потребность в существовании объекта или его признака’.

Семантическая модель потребности с предикатом *должен* образуется противопоставлением субъекта-адресанта долженствования (S1), который, выступая субъектом целеполагания, реализует модусы потребности и стремления, и субъекта волюнтаривности (S2), который характеризуется гипотетической связью с агенсом (S3), в результате которой возникает потенциальная ситуация (Q). Эту гипотетическую связь S2 и S3 можно определить как воление, носящее необязательный, или, точнее, ненормативный, характер.

5. Заключение

Общим выводом может послужить утверждение о том, что среди выделенных в пенитенциарной инструкции XIX столетия форм долженствования разграничиваются формы нормативной обязанности, которые выражают общее значение нормативного принуждения к действию, и потребности, которые реализуют значение потребности в существовании (ср. «долженствование действия» и «долженствование существования» у Г. Х. фон Вригта [Вригт, 1986а, с. 390—410]). Они являются обязательными средствами директивности пенитенциарной инструкции XIX века. В этом случае понятие директивности уточняется признаком возможной ненормативности.

Источники и принятые сокращения

1. Инстр. 1 — *Инструкция* смотрителю губернского тюремного замка. — Пермь : Типография Губернского Правления, 1882. — 25 с.
2. Инстр. 2 — *Инструкция* смотрителю С.-Петербургского Тюремного Замка. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1852. — 43 с.
3. Инстр. 3 — *Инструкция* Контролеру для надзора за продовольствием полицейских арестантов // Сборник административных постановлений Царства Польского. — Варшава : Типография С. Ольгербранда, 1868. — Часть 6, Том 1. — С. 216—227.

4. Инстр. 4 — *Тюремная инструкция* // Сборник административных постановлений Царства Польского. — Варшава : Типография С. Ольгербранда, 1868. — Часть 6, Том 1. — С. 328—387.
5. Инстр. 5 — *Инструкция* для главной следственной тюрьмы // Сборник административных постановлений Царства Польского. — Варшава : Типография С. Ольгербранда, 1868. — Часть 6, Том 1. — С. 388—457.
6. Инстр. 6 — *Инструкция* Инспекторам по перевозке арестантов на пароходах и сухопутно, от Нижнего-Новгорода до Ачинска // Коковцов В. Н. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / В. Н. Коковцов, С. В. Рухлов. — Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1894. — С. 92—96.
7. Инстр. 7 — *Инструкция* об устройстве помещений для лиц подвергаемых аресту по приговорам мировых судей // Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к Судебным уставам 20 ноября 1864 года. — Санкт-Петербург : Типография Ретгера и Шнейдера, 1879. — С. 71—73.
8. Инстр. 8 — *Инструкция* для дезинфекции тюремных помещений, мягких постельных принадлежностей, белья, платья и извержений больных // Коковцов В. Н. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / В. Н. Коковцов, С. В. Рухлов. — Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1894. — С. 81—82.
9. Инстр. 9 — *Инструкция* Главному Инспектору Тюрем в Царстве // Сборник административных постановлений Царства Польского. — Варшава : Типография С. Ольгербранда, 1868. — Часть 6, Том 4. — С. 184—189.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — Том 1 : Лексическая семантика. — 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. Истории, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. — С. 3—42.
3. Арутюнова Н. Д. Семантика цели / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия. — Москва : Наука, 1992. — С. 14—23.
4. Булыгина Т. В. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка : культурные концепты. — Москва : Наука, 1991. — С. 14—21.
5. Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина и логика // Логико-философские исследования : избранные труды / Г. Х. фон Вригт. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 290—410.
6. Вригт Г. Х. фон. О логике норм и действий // Логико-философские исследования : избранные труды / Г. Х. фон Вригт. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 245—289.
7. Евлохова Г. В. Долг / Г. В. Евлохова // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2006. — Том 3. — С. 260—280.
8. Жолковский А. К. Лексика целесообразной деятельности [Электронный ресурс] / А. К. Жолковский // Журнал «Грамоты.ру». — 2002. — 29 января. — Режим доступа : http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_144.
9. Замятина Е. Ю. Функционально-семантический аспект высказываний с предикатами долженствования (на материале русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Ю. Замятина. — Тверь, 2003. — 142 с.

10. Золотова Г. А. Очерки функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. — Москва : Наука, 1973. — 351 с.
11. Ивин А. А. Логика норм / А. А. Ивин. — Москва : МГУ, 1973. — 121 с.
12. Кобозева И. М. Семантика модальных предикатов долженствования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка : культурные концепты. — Москва : Наука, 1991. — С. 169—175.
13. Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка / И. Б. Левонтина // Языковая картина мира и системная лексикография. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — С. 163—238.
14. Падучева Е. В. Модальность [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева // Русская корпусная грамматика. — Режим доступа : <http://rusgram.ru/Модальность>.
15. Цейтлин С. Н. Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Ленинград : Наука, 1990. — С. 142—156.
16. Чистохвалова Л. В. Семантика цели : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. В. Чистохвалова. — Тамбов, 2004. — 24 с.
17. Шведова Н. Ю. О долженствительном наклонении / Н. Ю. Шведова // Синтаксис и норма. — Москва : Наука, 1974. — С. 107—121.
18. Belnap N. In the Realm of Agents / N. Belnap, M. Perloff // *Annals of Mathematics and Artificial Intelligence*. — 1993. — № 9 (1—2). — P. 25—48.
19. Bentham J. *Of Laws in General* / J. Bentham. — London : Athlone Press, 1970. — 342 p.
20. Chellas B. F. Time and Modality in the Logic of Agency / B. F. Chellas // *Studia Logica*. — 1992. — № 51 (3/4). — P. 485—517.
21. Leibniz G. W. *Elementa Juris Naturalis* // *Philosophische Schriften*. Erster Band: 1663—1672 / G. W. Leibniz. — Berlin : Akademie-Verlag, 1971. — S. 431—485.
22. Mally E. *Grundgesetze des Sollens* // *Logische Schriften* / E. Mally. — Dordrecht : D. Reidel, 1971. — S. 227—324.

FORMS OF OBLIGATION IN PENITENTIARY INSTRUCTION OF 19TH CENTURY

© Leonid M. Golikov (2019), orcid.org/0000-0002-9952-4116, SPIN 7998-2040, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Languages, Vologda Institute of Law and Economy of Federal Service of Execution of Punishments (VILE of the FPS of Russia) (Vologda, Russia), lgolikov@mail.ru.

© Olga V. Druzhininskaya (2019), orcid.org/0000-0001-8741-0640, SPIN 2243-8807, PhD in Philology, associate professor, senior lecturer, Department of Russian and Foreign Languages, Vologda Institute of Law and Economy of Federal Service of Execution of Punishments (VILE of the FPS of Russia) (Vologda, Russia), ovdru@mail.ru.

The article presents the results of the study of *should*-constructions in the penitentiary instructions of the 19th century. The relevance of the work is due to the fact that the data obtained will complement the understanding of the means of expression of the category of directivity in the period of formation of the language of penal legislation. The novelty of the work is seen primarily in the fact that the forms of expression of the meaning of obligation are studied in legal discourse

as a means of linguistic construction of the legal norm. In addition, the sources are the texts not previously studied from a linguistic standpoint. The article seeks to identify distinctive signs, allowing to differentiate between deontic and non-deontic necessity in legal discourse. Based on the idea that the basic semantic indicator of deontic or non-deontic statements with the meaning of obligation is the nature of the relationship of the subjects of obligation, the authors distinguish between the forms of a normative obligation and a need. The first, having in its syntactic structure the position of an agent, imply the ratio of subjects through the force of coercion. The second, active constructions with non-agentive subject, are determined by the opposition of the subject-addressee of obligation, implementing the modes of need and aspiration, and the subject of voluntariness, which in turn implements a strong-willed impact on an agent that bears an non-normative character.

Key words: language of legislation; directivity, prison instruction of 19th century; modality of obligation; form of a normative obligation; form of a need.

MATERIAL RESOURCES

- Instr. 1 — *Instruktsiya smotritelyu gubernskago tyuremnago zamka*. (1882). Perm': Tipografiya Gubernskago Pravleniya. (In Russ.).
- Instr. 2 — *Instruktsiya smotritelyu S.-Peterburskago Tyuremnago Zamka*. (1852). Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. (In Russ.).
- Instr. 3 — *Instruktsiya Kontroleru dlya nadzora za prodovolstviyem politseyskikh arestantov*. (1868). In: *Sbornik administrativnykh postanovleniy Tsarstva Polskogo*. 6/1 Varshava: Tipografiya S. Olgerbranda. 216—227. (In Russ.).
- Instr. 4 — *Tyuremnaya instruktsiya*. (1868). In: *Sbornik administrativnykh postanovleniy Tsarstva Polskogo*. 6/1. Varshava: Tipografiya S Olgerbranda. 328—387. (In Russ.).
- Instr. 5 — *Instruktsiya dlya glavnoy sledstvennoy tyurmy* (1868). In: *Sbornik administrativnykh postanovleniy Tsarstva Polskogo*. 6/1. Varshava: Tipografiya S. Olgerbranda. 388—457. (In Russ.).
- Instr. 6 — *Instruktsiya Inspektoram po perevozke arestantov na parokhodakh i sukhoputno, ot Nizhnyago-Novgoroda do Achinska*. (1894). In: Kokovtsov, V. N., Rukhlov, S. V. *Sistematicheskiy sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy po tyuremnoy chaste*. Sankt-Peterburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova. 92—96. (In Russ.).
- Instr. 7 — *Instruktsiya ob ustroystve pomeshcheniy dlya lits podvergaemykh arestu po prigovoram mirovykh sudey*. (1879). In: *Uzakoneniya, izdannyya v poyasneniye i dopolnenie k Sudebnym ustavam 20 noyabrya 1864 goda*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Retgera i Shneydera. 71—73. (In Russ.).
- Instr. 8 — *Instruktsiya dlya dezinfektsii tyuremnykh pomeshcheniy, myagkikh postelnykh prindlezhnostey, belya, platya i izverzheniy bolnykh*. (1894). In: Kokovtsov, V. N., Rukhlov, S. V. *Sistematicheskiy sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy po tyuremnoy chasti*. Sankt-Peterburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova. 81—82. (In Russ.).
- Instr. 9 — *Instruktsiya Glavnomu Inspektoru Tyurem v Tsarstve*. (1868). In: *Sbornik administrativnykh postanovleniy Tsarstva Polskogo*. 6/4 Varshava: Tipografiya S. Olgerbranda. 184—189. (In Russ.).

REFERENCES

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannyye trudy, 1: Leksicheskaya semantika*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).

- Arutyunova, N. D. (1992). Semantika tseli. In: *Logicheskij analiz yazyka. Modeli deystviya*. Moskva: Nauka. 14—23. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D., Paducheva, E. V. (1985). Istoriya, problemy i kategorii pragmatiki In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike, 16: Lingvisticheskaya pragmatika*. Moskva: Progress. 3—42. (In Russ.).
- Belnap, N., Perloff, M. (1993). In the Realm of Agents. *Annals of Mathematics and Artificial Intelligence*, 9 (1—2): 25—48.
- Bentham, J. (1970). *Of Laws in General*. London: Athlone Press.
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1991). Kontsept dolga v pole dolzhenstvovaniya. In: *Logicheskij analiz yazyka: kulturnye kontsepty*. Moskva: Nauka. 14—21. (In Russ.).
- Chellas, B. F. (1992). Time and Modality in the Logic of Agency. *Studia Logica*, 51(3/4): 485—517.
- Chistokhvalova, L. V. (2004). *Semantika tseli: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Tambov. (In Russ.).
- Evlokhova, G. V. (2006). Dolg. In: *Antologiya kontseptov*. 3 Volgograd: Paradigma. 260—280. (In Russ.).
- Ivin, A. A. (1973). *Logika norm*. Moskva: MGU. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M., Laufer, N. I. (1991). Semantika modalnykh predikatov dolzhenstvovaniya. In: *Logicheskij analiz yazyka: kulturnye kontsepty*. Moskva: Nauka. 169—175. (In Russ.).
- Leibniz, G. W. (1971). Elementa Juris Naturalis. In: *Philosophische Schriften. Erster Band: 1663—1672*. Berlin: Akademie-Verlag. 431—485. (In Germ.).
- Levontina, I. B. (2006). Ponyatiye tseli i semantika tselevykh slov russkogo yazyka. In: *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 163—238. (In Russ.).
- Mally, E. (1971). Grundgesetze des Sollens. In: *Logische Schriften*. Dordrecht: D. Reidel. 227—324. (In Germ.).
- Paducheva, E. V. Modalnost'. In: *Russkaya korpusnaya grammatika*. Available at: <http://rusgram.ru/Modalnost'>. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1974). O dolzhenstvovatel'nom naklonenii. In: *Sintaksis i norma*. Moskva: Nauka. 107—121. (In Russ.).
- Tseytlin, S. N. (1990). Neobkhodimost'. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporalnost'. Modalnost'*. Leningrad: Nauka. 142—156. (In Russ.).
- Vrigh, G. Kh. fon. (1986). Normy, istina i logika. In: *Logiko-filosofskie issledovaniya: izbrannyye trudy*. Moskva: Progress. 290—410. (In Russ.).
- Vrigh, G. Kh. fon. (1986). O logike norm i deystviy. In: *Logiko-filosofskie issledovaniya: izbrannyye trudy*. Moskva: Progress. 245—289. (In Russ.).
- Zamyatina, E. Yu. (2003). *Funktsionalno-semanticheskiy aspekt vyskazyvaniy s predikatami dolzhenstvovaniya (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Tver'. (In Russ.).
- Zholkovskiy, A. K. (2002). Leksika tselesoobraznoy deyatel'nosti. In: *Zhurnal «Gramoty.ru»*. Available at: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_144. (In Russ.).
- Zolotova, G. A. (1973). *Ocherki funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka*. Moskva: Nauka. (In Russ.).